

Россия и русские глазами французов в 1812 году^{*1}

В конце XX — начале XXI в. среди российских историков неожиданно резко возрос интерес к изучению проблем наполеоновской Европы и, особенно, наполеоновской армии в преломлении к событиям 1812 года. Одна за другой выходят блестящие работы Д.М. Туган-Барановского, В.Г. Сироткина, А.А. Васильева, А.И. Попова, В.Н. Шиканова и других авторовⁱ. Достойным завершением этого ряда может считаться книга О. В. Соколоваⁱⁱ, не имеющая аналогов и в зарубежной историографии. Причина столь пристального интереса современных отечественных исследователей к Франции наполеоновской эпохи и событиям Русской кампании 1812 года, на наш взгляд, достаточно очевидна: в сознании россиян идет активный процесс национальной самоидентификации. Пытаясь понять смысл собственной исторической судьбы, мыслящая часть российского общества обращается к ключевому событию национальной истории — к 1812 году, когда Россия, столкнувшись с общеевропейским вторжением и, одержав победу, впервые по-настоящему ощутила масштабы своей силы и органичность своих связей с европейскими и мировыми процессами. Но осознание того, что же произошло с русскими тогда, в 1812 году, не может не происходить без понимания того, что же стало тогда с *другими* народами.

Война 1812 года постепенно все более начинает рассматриваться как факт столкновения разных культур, разных базовых ценностей и даже разных цивилизаций. Однако мы еще очень мало знаем о том, что же происходило в 1812 г. с европейским человеком, попавшим в Россию. Мало знаем о его изначальных

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования РФ (грант ГОО-1.2.2-42).

представлениях о России и русских, о трансформации этих представлений в ходе самой войны и о воздействии «памяти» о Русском походе на последующее развитие западно-европейской цивилизации. В этой статье, основанной на французских материалах личного происхождения (письмах, дневниках и воспоминаниях участников Русского похода), мы попытаемся только обозначить ключевые моменты этой необъятной проблемы.

Характер представлений европейцев (так мы условно будем называть представителей тех западно-европейских, южно-европейских и центрально-европейских народов, которые оказались в составе Великой армии Наполеона) о России к началу кампании 1812 года обозначить не просто. Обычно принято говорить, что эти представления были самыми поверхностными. Но это не совсем точно. Во-первых, в Европе, в том числе во Франции, о России знали уже немало: в XVIII и начале XIX в. выходила, хотя и немногочисленная, литература о России — от воспоминаний бывшего французского посла в Петербурге Л.-Ф. Сегюра (его племянник Филипп-Поль Сегюр станет известным мемуаристом Русского похода) до этнографических (в 1810 г. Демам-Дематрэ опубликовал «Полное собрание разных типов повозок, которыми пользовались русские») и исторических (примером может служить хотя бы книга Вольтера о Петре Великом) сочинений. Общие сведения о России и русской истории давала знаменитая энциклопедия Дидро и д'Аламбераⁱⁱⁱ. Во-вторых, немало французских участников похода ранее бывало в России: Ф.-П. Сегюр, бригадный генерал и главный квартирмейстер Главной квартиры императора, и Раймон де Монтескье барон Фезенсак, шеф эскадрона и адъютант начальника Генерального штаба, были в русском плену, полковник Понтон, состоявший в военном кабинете Наполеона, находился при русской армии после Тильзита, Л.-Ф.-Э. Лелорнь д'Идевиль,

секретарь-переводчик императора, и знаменитый Ж. Б.Б. Лессепс, поверенный в делах Франции в Петербурге в 1802–1812 гг., жили в России, в том числе в Москве. Наконец, А.-О.-Л. Коленкур, главный шталмейстер и ближайший советник Наполеона, также жил в России и великолепно ее знал. В-третьих, накануне похода была проделана большая работа по сбору всевозможных сведений о России (в Российском государственном архиве древних актов и Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится обширная документация о России, аккумулированная Наполеоном — от маршрутов до статистических сведений и исторических справок^{iv}). Да и сам Наполеон усиленно занимался «самообразованием» — в сборнике его «Корреспонденции» помещено письмо библиотекарю Барбье от 19 декабря 1811 г., в котором император требовал из библиотеки все, касавшееся кампании Карла XII в Польше и России^v; а затем, в Дрездене, он «позаимствовал» всю литературу о России и Польше из библиотеки саксонского короля. В-четвертых, французские солдаты до 1812 г. уже не раз сталкивались с русскими, в том числе на поле боя. Это способствовало формированию и укреплению целого комплекса представлений и стереотипов, которые, надо сказать, не были лишены доли справедливости. Это касалось прежде всего представлений о стойкости русского солдата, которая была, по мнению французов, связана с

более низким, чем у европейцев, культурным — духовным и социальным — развитием. Вот мнение одного французского капрала, участника прежних кампаний: «Русский таков, что дышит выделениями на 10 шагов: этот пар есть его собственный и представляет собой смесь запахов животного сала, табака и водки; пар таков, как будто в нем сидит зверь»^{vi}. Второй стойкий стереотип, имевшийся в представлениях европейских солдат, и тоже не лишенный оснований, касался представлений о русском климате.

Когда одного гусара перед войной 1812 года спросили в Германии, что значат четыре буквы «N» на его ташке, он ответил: «Nur Nicht Nach Norden» («Только не на Север»)^{vii}. Европейцы не питали иллюзий в отношении русского климата, запасаясь перед походом теплыми вещами. Третье представление-стереотип, усиленно подогреваемое официальной пропагандой, было связано с низким уровнем общественного сознания в России и с религиозностью, которая была для французского солдата сродни религиозному фанатизму в Италии, Египте и Испании. Многие европейцы автоматически переносили на Россию тот опыт, который был ими уже накоплен ранее — будь то социальный вакуум, в котором оказались французы в Египте, религиозная война в Испании или снег и холод во время кампаний на Пиренеях и в Пруссии.

Вполне естественно, что многие вещи, с которыми французам предстояло столкнуться в России, далеко не всегда укладывались в прежний набор понятий. Так, во французском языке не было точных эквивалентов для обозначения таких явлений, как «изба», «усадебка» (французы употребляли слово «шато», нередко добавляя «русское шато», подчеркивая тем самым разницу^{viii}), «помещик», «крепостной», «мужик» и т. д.

Вполне естественно, что наполеоновская пропаганда активно эксплуатировала и развивала уже сложившиеся стереотипы. В брошюрах Лезюра и графа Монгайяра, выпущенных специально перед Русской кампанией, предстоящая война изображалась войной с варварством, варварством агрессивным, угрожавшим основам европейской цивилизации^{ix}. Представляется, что этот тезис достаточно глубоко вошел в сознание наполеоновского солдата. Ж.-Р.-М. Барье, начальник батальона 17-го линейного полка, который напишет из Москвы на родину о дне Бородина: солдаты, офицеры, генералы — все соперничали в отваге и храбрости; это

выглядело так, словно вся Европа обрушилась в тот день своей колоссальной мощью на Россию, «которая примерно 12 или 15 лет угрожала вторжением в наши провинции»^x.

В целом Наполеон конструировал «образ врага» довольно традиционно: противник агрессивен, опасен, он — варвар, упорен, но это упорство низкое, связанное с его дикостью, забитостью, воздействием религиозной пропаганды или пьяного угара. «Образ врага» формировался безликим, в виде орды, которой нужно противостоять всем европейцам. Нетрудно заметить, что такой образ России и русских должен был работать на сплочение наполеоновской Европы, общеевропейской (точнее — западно-европейской) идентификации. В таком же ключе наполеоновская пропаганда действовала и далее, уже при открытии военных действий. 18 июля 1812 г. Наполеону была представлена русская прокламация, на которую император решил сам написать так называемый ответ французского гренадера и приказал распространить его среди своих солдат. В своем «ответе» Наполеон несколько раз подчеркнул, что солдат Франции — «свободный» и что «он повинуетя только чести и закону». Этому противостоит «крепостничество и рабство» России, «скотское существование» русских солдат, основой дисциплины которых является «страх», «но не честь». Призвание солдат Великой армии заключается в том, чтобы уничтожить «рабство в русской империи», «восстановить права ее подданных, когда каждый крестьянин станет субъектом и гражданином государства, станет господином своего труда и своего времени, и он не будет больше собственностью своего господина, подобно быку или лошади»^{xi}.

Нетрудно заметить явное противоречие между пропагандистскими заявлениями, предназначенными для своих солдат, и теми реальными шагами самого Наполеона, которые могли из этого следовать. Уверенность Наполеона в низкой ступени

общественной жизни и сознания русских прямо накладывалась на египетский и испанский опыт императора. И это заставляло его изначально полностью (или почти полностью) исключить социальный аспект из Русской кампании. Если Наполеон в 1812 г. и обращался под давлением обстоятельств к мыслям о возможности каких-либо радикальных мер в отношении крепостничества, то здесь же от них отказывался^{xii}.

Какой увидели Россию европейские солдаты в 1812 г., и как эволюционировали во время кампании их «русские» установки? Эти установки в своей основе подтверждались. Угрюмое однообразие дорог, непривычные, «чужие» пространства, меланхолические березы и мрачные ели, быстрое уменьшение светового дня — все это окунуло европейцев в атмосферу чужого и враждебного. Население покидало города и деревни. Начиная с русских губерний, картина несколько изменилась: местность стала более приветливой, но население, в сущности, исчезло совсем. «Края в России, — писал Ж. Фишнер, музыкант 35-го линейного полка, — которые мы прошли, очень хорошие и пригодные, но люди при нашем приближении убегают — мы их принимаем за сущих дикарей»^{xiii}. А вот дневник Э.-В.-Е.-Б. Кастелана, капитана, ординарца Главного штаба: в Вязьме — «невозможно найти ни одного нищего»; в Гжатске — «был найден единственный человек, раб»; чуть позже — «русские крестьяне говорят на варварском языке». Всюду Кастелана ужасают убогие избы и обилие и величина клопов. «Деревянные дома, — записал он, — способствуют их размножению. Я не представляю, как русские могут спать в такой компании»^{xiv}.

Экстремальные условия борьбы в России мало-помалу начали деформировать сознание чинов Великой армии. Внешне это проявилось в эпидемии суицида, в падении морального состояния армии, когда рушилась прежняя шкала ценностей наполеоновского

солдата, в глубоких переменах в одежде и быте чинов, от Главной квартиры до обозных батальонов, и т. д.^{xv} Серьезной деформации были подвергнуты представления западноевропейцев о грани, проходившей между варварством и цивилизацией, когда, с одной стороны, они увидели примеры мужества, самопожертвования и человечности со стороны русских «варваров», а с другой — сами были вынуждены прибегать к бесчеловечным мерам в отношении неприятельских раненых и отставших. Вот, к примеру, впечатления Л.-Ф. Фантена дез Одара, капитана 2-го полка гвардейских пеших гренадеров, записанные вечером 8 сентября: «Несмотря на расстройство и стремительность отступления, русские смогли похоронить в течение последующей ночи (после сражения. — В. 3.) своих раненых, которые умерли по дороге. Эти люди, которых мы называем варварами, весьма заботятся о своих раненых и считают долгом похоронить своих мертвых, в то время как мы, французы, гордые нашей цивилизацией, оставляем людей погибать без помощи и не утруждаемся погребением трупов до тех пор, пока зловоние не будет вызывать неудобство»^{xvi}.

Весьма своеобразно воздействовала на «русские» представления французов Москва. Первоначально вид первопрестольной восхитил французов. Несмотря на, как они считали, восточный колорит (к примеру, Д.Ж. Ларрей, главный хирург Великой армии, сравнивал колокольню Ивана Великого с минаретом, а Г. Брандт, офицер легиона Вислы, позже отметит, что «общий вид города носил восточный характер, великолепием напоминая собою сказку из “Тысячи и одной ночи”»), Москва была вполне сопоставима с Парижем. «Я ожидал увидеть дома из бревен, — напишет Проспер, служитель интендантского ведомства, — но был удивлен: дома были в основном из кирпича, всюду элегантная и очень современная архитектура»^{xvii}. «Мы теперь в Москве, — писал

дивизионный генерал Грандо, — чудесном городе по качеству дворцов, превосходных отелей»^{xviii}. «Город страшно велик, — отмечал капитан гвардейской артиллерии Лист, — так что все мои усилия бесполезны, чтобы его описать. Москва в окружности на 3 лье больше, чем Париж, говорят, она в 10 лье [в окружности]». «Москва — прекрасный город, в 11 лье в окружности, — излагал свои впечатления Л.-Ф. Котен, суб-лейтенант 12-го линейного полка^{xix}. — Всюду дворцы, длинные улицы. Москва претендовала на то, что она прекраснее Парижа»^{xx}. Маршал Л.-Н. Даву описывал в письме к жене Москву «как один из наиболее прекрасных, необычных и великих городов *Европы* (выделено мной. — В. З.)»^{xxi}.

Но все это было первое впечатление. Тем большим контрастом стал пожар Москвы. «Сразу после вступления в Москву, — вспоминал некто Кудер, — многие дома были подожжены русскими. Французы пытались тушить, но все помпы для тушения были вывезены. Это было решением русских с целью уничтожения всех французов»^{xxii}. «Русские варвары сожгли этот величественный и очень большой город», — писал генерал Ж.-Л. Шарье^{xxiii}. «Русские, движимые внутренним чувством, — отметил Ж. Фишнер, музыкант 35-го линейного, — сами подожгли свою столицу»^{xxiv}. Особое впечатление на французов произвело то, что русское правительство поджигало Москву, в которой находились тысячи русских раненых! О сожжении нескольких тысяч русских солдат, оставшихся в городе, с ужасом писало несколько известных нам авторов писем из Великой армии^{xxv}. На улицах города разыгрывались страшные сцены. О них авторы писем предпочитали только глухо упоминать. Известный в будущем известный мемуарист Н.-Л. Плана де ла Файе отметил в письме на родину так: «Ужасные сцены, свидетелем которых я был в эти дни»^{xxvi}.

Та жестокость, которую приобрела благодаря русскому

правительству война, не только притупила все представления о «цивилизованной войне», но и дала своего рода карт-бланш самим французам. «Половина этого города сожжена самими русскими, — писал генерал Грандо, — но разграблена нами в очень красивой манере»^{xxvii}. Теперь французы не видели ничего зазорного в том, чтобы, покидая Москву, взорвать то, что от нее еще оставалось: «с варварами — по-варварски». «Москва теперь истинная пустыня, — писал 10 ноября из Смоленска Тевиотт, начальник батальона, адъютант генерала Сансона, упоминая о взрывах в Москве при отступлении маршала Э. Мортье, — и от этого города не существует более ничего, как несколько страниц в истории»^{xxviii}. «Мы сполна отплатили сим варварам», — написал домой командующий артиллерией Великой армией генерал Ж.-А. Б. Ларибуазьер^{xxix}. Теперь французы становились «азиатами». А с наступлением холодов даже внешне стали походить на жителей той страны, по которой отступали. Множество раз французы описывали в письмах свои так называемые татарские костюмы^{xxx}. Многие из них вспоминали Египет, не видя между ним и Россией большой разницы: там были мамелюки, здесь — казаки, там — страшная жара, здесь — не менее, а может быть и более страшный, холод. Там — песчаные пустыни, здесь — снежные пустыни^{xxxi}. Азия-с. По крайней мере, не Европа. При выступлении из Москвы генерал Ж.-Г. Маршан озадаченно-удивленно написал домой: «...снег уже начался, и я слышал, что он будет в течение 6 или 7 месяцев»^{xxxii}. В десятках писем французы пишут об одном и том же: о снеге, бревенчатых избах, казаках и холоде. В конечном итоге в Смоленске многие делают вывод: «Испанская кампания — ничто по сравнению с этой»^{xxxiii}.

Каков был конечный результат всех этих воздействий Русской кампании на базовые представления и чувства западноевропейцев?

Нам представляется, что это воздействие предопределило две, во многом, противоположные тенденции. Во-первых, как результат столкновения разных цивилизационных общностей, обозначилась явная диффузия в рамках единого общеевропейского организма наполеоновской армии. Экстремальные условия кампании в России и противоречивое воздействие элементов русской цивилизации на армию Европы вызвали распад структур многонационального армейского организма. Русская кампания по крайней мере лет на 100—150 усилила тенденцию к развитию национально-государственной идентичности ряда европейских народов (особенно, немцев, поляков, французов, а также, конечно, и русских). Но вместе с тем стала работать и вторая тенденция — на формирование единой западно-европейской целостности. Война 1812 года, как некий ориентир из прошлого, стала определять общие пространственные (Европа — Западная Европа — Россия; пространство европейское — пространство русское и т.д.), природные и ландшафтные (европейская природа — русская природа — русская зима — русский мороз), моральные (жестокость — человечность; цивилизация — варварство и т. д.) и другие понятия европейцев. Французы, поляки, иногда немцы и итальянцы, стали апеллировать в разные моменты своей истории к памяти о совместно пролитой крови в борьбе против «русских варваров». Сам способ войны, избранный «русскими дикарями» в 1812 г., стал традиционно противопоставляться явно идеализированному образу «гуманной» войны западноевропейцев. Даже русское пространство и русское время после войны 1812 года стали восприниматься как европейцам враждебные.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ *Туган-Барановский Д.М.* Наполеон и власть. Балашов, 1993; *Сироткин В. Г.* Наполеон и Россия. М., 2000; *Васильев А. А.* Комментарии к рапорту о сражении при Можайске // Орел. 1991. С. 15—17; *Он же.* Французские карабинеры при Бородино // Цейхгауз. 1993. № 2. С. 6—10; *Попов А. И.* Бородинское сражение

(боевые действия на северном фланге). Самара, 1995; *Он же*. Меж двух «вулканов». Боевые действия в центре Бородинского поля. Харьков, 1997; *Шиканов В. Н.* Под знаменами императора: Малоизвестные страницы наполеоновских войн. М., 1997; *Он же*. Созвездие Наполеона. Маршалы Первой империи. М., 1999; *Земцов В. Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001.

ⁱⁱ *Соколов О.В.* Армия Наполеона. СПб., 1999.

ⁱⁱⁱ См., напр.: История в энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Л., 1978. С. 175-180.

^{iv} РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 268, 274; *Безотосный В. М.* Источники по истории Отечественной войны 1812 года // История СССР. 1990. №3. С. 215.

^v Наполеон — Барбье, 19 декабря 1811 г. // *Napoléon I. Correspondance de Napoléon I.* P., 1868. Vol. 23. P. 95.

^{vi} Цит. по: *Lucas-Dubreton L.* Soldats de Napoléon. P., 1977. P.172. Note 10.

^{vii} *Henckens J.L.* Mémoires. La Haye, 1910. P. 115.

^{viii} Э.-В.-Е.-Б.Кастелан, ординарец Главного штаба, только перед Москвой, в с. Вязёмы, в имении князя Голицына, записал в дневнике: «...единственное настоящее шато после нашего вступления в Россию» (*Castellane E.-V.-E.-B.* Journal. P., 1895. Vol. 1. P. 153).

^{ix} [*Lesure*]. Des progras de la puissance russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX-е с. P., 1812; *Montgaillard.* Second guerre de Pologne. P., 1812.

^x Ж.-Р.-М. Барье — жене. Москва, 24 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S. E. M.Goriainow.* P., 1913. P. 32-33.

^{xi} *Chuquet A.* 1812. Notes et documents. P., 1912. Sér. 1. P. 35-39.

^{xii} Наиболее убедительно вопрос о проблеме отношения Наполеона к отмене крепостного права в России освещен в: *Тартаковский А. Г.* Из истории одной забытой полемики (об антикрепостнических «диверсиях» Наполеона в 1812 г.) // История СССР. 1968. № 2; *Понов А. И.* Наполеон и крепостное право в России в 1812 году // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2001. С. 187-203.

^{xiii} Ж. Фишнер — Рошу. Москва, 25 сентября 1812г. // *Lettres interceptees...* P. 36-37.

^{xiv} *Castellane E.-V.-E.-B.* Op. cit. P. 143-144.

^{xv} См.: *Земцов В. Н.* Указ. соч. Гл. 2.

^{xvi} *Fantin des Odoards L.-F.* Journal. P., 1895. P. 328.

^{xvii} Проспер — тестю. Москва, 15 октября 1812 г. // *Lettres interceptees...* P. 147-151.

^{xviii} Генерал Грандо — полковнику Ж.-Ф. Ноосу. Москва, 27 сентября 1812 г. // РГАДА. Д. 245. Л. 1-2 об.; Д. 268. Л. 71; *Lettres interceptees...* P. 38-41.

^{xix} Лист жене. Москва, 22 сентября 1812 г.//РГАДА. Д. 268. Л. 150; *Lettres interceptées...* P. 26.

^{xx} Л.-Ф. Котен — матери. Москва, 20 сентября 1812 г // *Lettres 'interceptees...* P. 17-19.

^{xxi} Л.-Н. Даву — жене. Москва, 17 сентября 1812 г.// *D'Eckmühl A.-L. (de Blocqueville).* Le maréchal Davout, prince D'Eckmühl. P., 1880. Т. 3. P. 170.

^{xxii} Кудер — жене. Москва, 27 сентября 1812 г.// *Lettres interceptées...* P. 51-52.

^{xxiii} Ж.-Л. Шарье — Таше-старшему. Москва, 27 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 37-38.

^{xxiv} Ж. Фишнер — Рошу. Москва, 25 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 37-38.

^{xxv} См., например: А. Бонет — Борде. Смоленск, 11 ноября 1812 г. // РГАДА. Д. 266. Л. 22-23 об.; *Lettres interceptees...* P. 290.

-
- ^{xxvi} Плана де ла Файе — г-же Деллас. 15 октября 1812 г. // РГАДА. Д. 268. Л. 96-96 об.
- ^{xxvii} Генерал Грандо — полковнику Ж.-Ф. Ноосу. Москва, 27 сентября 1812 г. // РГАДА. Д. 245. Л. 1-2 об.; Д. 268. Л. 71; *Lettres interceptees...* P. 38-41.
- ^{xxviii} Тевиотт — генералу Лепину. Смоленск, 10 ноября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 260-263.
- ^{xxix} Ж.-А. Б. Ларибуазьер — майору Пуарелю. Смоленск, 10 ноября 1812 г. // *Ibid.* P. 324.
- ^{xxx} См., напр.: Дивизионный генерал Ж.-Д. Компан — жене. Смоленск, 14 ноября 1812 г. // *Ternaux-Compans. Le général Compans.* P., 1912. P. 231.
- ^{xxxi} См., напр.: *Chuquet A. Lettres de 1812.* P., 1911. Sér. 1. P. 232-233.
- ^{xxxii} Ж.-Г. Маршан — жене. Москва, 15 октября 1812 г. // РГАДА. Д. 260. Л. 1-2 об.; *Lettres interceptees...* P. 138-139.
- ^{xxxiii} См., напр.: инженер-полковник Ж. Пюне де Монфор — Деко, начальнику инженерного бюро Военного министерства. Смоленск, 9 ноября 1812 г. // РГАДА. Д. 266. Л. 7-8 об.; Д.-Ж. Ларрей — жене. Смоленск, 9 ноября 1812 г. // *Lettres intercepte'es...* P. 301; *Русская старина.* 1907. № 11. С. 313-314.